

рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о наукѣ позитивной или позитивистической, то упрекъ этотъ нельзя не признать справедливымъ.

Если бы въ принципѣ признавалось пониманіе жизни въ существенномъ значеніи ея, какъ всѣ ее понимаютъ, говорить графъ Толстой, и если бы ясно установлено было, что положительная наука, отбрасывая всѣ стороны этого пониманія, за исключеніемъ одной, поддающейся наблюденію, рассматриваетъ явленія только съ этой стороны, прилагая къ ней свой методъ изслѣдованія, это было бы прекрасно и совсѣмъ не то, что теперь. Но надо говорить то, что есть и не скрывать того, что мы всѣ знаемъ: развѣ мы не знаемъ, что большая часть, если не всѣ ученые, позитивисты, изучая жизнь въ ея матеріальныхъ явленіяхъ, доступныхъ чувствамъ, вполне убѣждены, что они изучаютъ всю жизнь, а не одну ея сторону.

Мы всѣ знаемъ основной догматъ экспериментальной мысли лже-науки. Все, что существуетъ— только матерія и энергія. Значительная часть рвенія и страстной дѣятельности экспериментальной науки зависитъ отъ желанія изобрѣсти все, что нужно, чтобы подтвердить такое удобное міровоззрѣніе.

Во всей дѣятельности этой науки встрѣчаешься не столько съ желаніемъ изучить жизненные явленія, сколько съ постоянною заботой доказать пра-